

18+

Я ИСПОВЕДУЮСЬ ЗА ТЕБЯ, МАМА

ПОГРАНИЧНОЕ РАССТРОЙСТВО
ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ И ЛИЦАХ

НАТАЛИЯ
ПОРЫВАЙ

Наталия Порывай

**Я исповедуюсь за тебя, мама.
Пограничное расстройство
личности в истории и лицах**

«Издательские решения»

Порывай Н.

Я исповедуюсь за тебя, мама. Пограничное расстройство личности в истории и лицах / Н. Порывай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-560735-5

Книга-откровение. Книга-исповедь. Судьба героев и их история показывают, как формируется и проявляется пограничное расстройство личности, как оно рушит хрупкую детскую жизнь. Книга будет интересна как простому читателю, так и тем, кто интересуется психологией расстройств. Основано на реальных событиях. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-560735-5

© Порывай Н.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Внутренние терзания	7
Глава 2. Моя исповедь	10
Глава 3. Мама	12
Глава 4. Беременность и роды	15
Глава 5. Брошенность (раннее детство)	18
Глава 6. Брошенность (лагеря)	21
Глава 7. Отчим и насмешки	23
Глава 8. Имена	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Я исповедуюсь за тебя, мама. Пограничное расстройство личности в истории и лицах

Наталия Порывай

*Крест на сердце, душа в кандалах,
Один путь. Две судьбы. Безнадега...
Я Дьяволу душу отдам,
Если это поможет немного.*

© Наталия Порывай, 2022

ISBN 978-5-0056-0735-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всем тем, кто был лишен детства, лишен материнской любви и поддержки посвящается...

Предисловие

Я уже не была двадцатилетней наивной девчонкой, давно пройдя тридцатилетний рубеж. У меня была своя семья и свой дом, в котором не было место матери, ведь в наших с ней отношениях никогда ничего не складывалось. Вся та семья, о которой я когда-то рассказывала (в «Осколках сознания»), на самом деле была не моя, я просто нагло ее придумала. А моя настоящая осталась за бортом моей жизни, в которой не было больше сил выносить эти страхи, боль, предательства, агрессию и обиды.

Получилось ли у меня? Частично. Но осталась одна история, которая продолжала держать, не отпуская в новую беззаботную жизнь. Эта история была связана с моей матерью и тем детством, которого она меня лишила.

Думаю, пришло время обнажиться, показывая ту грязную действительность, которая сделала меня не только больной, но и сильной. А плохо это или хорошо, пусть каждый решает для себя сам.

Я же просто устала бояться. Бояться говорить правду. Бояться оценки окружающих. И главное, бояться, а что же скажет мама?

Мама может сказать что угодно, и это будет ее субъективная правда. А моя правда тут, на страницах этой книги, которая стала для меня исповедью. Исповедью, к которой я шла долгие-долгие годы.

Глава 1. Внутренние терзания

Это был обычный день, который как под копирку срисовывался с предыдущих. Муж ушел на работу, а я пыталась занять себя делами по дому, борясь со скукой и периодически подваливающей тревогой. Тревога, собственно, была моей постоянной спутницей, как один из ярких симптомов ПРЛ¹, которым я болела. Она, тревога, могла выдать что угодно, и я почти научилась не обращать на нее внимания. Да, на мгновение становилось страшно от той большой змеи, что я увидела в саду (или не увидела), от какого-то чужого человека, что мелькнул под окном (а может, и не мелькнул), от каких-то посторонних звуков и еще множества вещей, чем меня пытался напугать мой тревожный мозг. И даже когда муж задерживался на несколько минут, моя тревога выдавала страшные картины, куда он подевался.

Я жила с этим изо дня в день и ничего не могла поделать, поэтому и научилась отвлекаться на что-то другое, убеждая себя, что все это только в моей голове. И ведь так оно и было.

Так вот в этот день, собрав всех своих тараканов по местам, я уже расслабилась и даже решила выйти погулять, что в силу выше описываемых обстоятельств делала редко. Меня остановил звонок сотового телефона, который я хотела оставить дома.

– Привет, сестренка, – услышала я в трубке.

– Привет, – совсем не обрадовавшись, ответила я, понимая, что сестра просто так звонить бы не стала.

– Мама в больнице, она умирает...

После этого наш разговор был коротким. Я спросила, зачем она мне это говорит, мол, могла бы позвонить, когда уже умрет. А она сказала, что думала, может, я захочу попрощаться, назвала больницу, в которой она лежит, и на этом мы закончили.

Я не хотела прощаться! НЕ-ХО-ТЕ-ЛА! И знать, о том, что она при смерти, тоже! Зачем мне все это? Я столько лет была ей не нужна, она столько боли причинила мне, а теперь я прощайся с ней? Что они от меня хотят? Чтобы я ее пожалела? Простила? Да пусть просто сохнет! Ненавижу!

Поток негативных мыслей захватил меня так сильно, что слезы градом хлынули из глаз, и я стала задыхаться. Задыхаться, как раньше в детстве, когда сильно волновалась или впадала в истерику. Я уже выкрикивала проклятия вслух, и вместе с тем мой голос становился тише. Я чувствовала, как горло начинало болеть, возвращалась и привычная для того давнего времени – ангина.

Сколько раз я после того, как переехала от матери, приезжала к ней в гости и пыталась поговорить? Сколько! И она ни разу мне нормально не ответила, постоянно агрессивная, снова и снова возвращая меня в кошмарное детство. И каждый раз, возвращаясь домой, я заболела. Ангиной из-за невысказанных эмоций, болями в позвоночнике и ногах из-за непосильного груза и желанием причинить себе вред из-за невыносимой внутренней боли.

И вот сейчас, когда прошло немало лет моей жизни без нее, она снова пытается пошатнуть мое здоровье. Я не могла этого допустить, поэтому собралась силами, умылась и пошла на запланированную прогулку, понимая даже, что она будет испорчена мыслями о прошлом. Как бы мне сейчас хотелось сесть в любимый трамвайчик третьего маршрута и проехать длинный маршрут от Кольцевой до старого Киева, но я боялась возвращаться в те детские места, да и добираться туда из загорода было сложно.

¹ Пограничное расстройство личности или сокращенно ПРЛ (псих.) – эмоционально неустойчивое расстройство личности, характеризующееся импульсивностью, эмоциональной неустойчивостью, высокой тревожностью и сильным уровнем диссоциации.

Я надела свою бессмертную бейсболку, которая до сих пор оставалась в моем гардеробе, хоть и не носилась, вышла из дома, вдохнула глубоко теплый воздух и пошла без определенного маршрута. Хотелось просто исчезнуть ото всех, и больше всего я боялась встретить кого-то по дороге, ведь в поселке принято здороваться со всеми, а я сейчас не готова была с кем-то контактировать.

Ноги, казалось бы, шли сами по себе, не управляемые мозгом, потому что он был занят совсем другими вопросами. Я продолжала проклинать мать за все свое детство и юность и даже за нынешнее время, в котором она зачем-то появилась. И все эти проклятия свелись к одному вопросу: Почему?

«Почему она так со мной поступала? Почему? Почему?» – думала я снова и снова, не находя ответа. – «Почему она не может просто сдохнуть и оставить меня в покое?».

Слезы просачивались из-под бейсболки, натянутой на глаза, но я никак не могла остановить их. Мысли нескончаемым потоком били в мозг, вызывая более сильный прилив слез.

Я уже к этому времени не шла, а хромала в районе соседнего поселка. Хромала, потому что от нервов разболелось колено, которое давно не беспокоило. Но такие сильные эмоции к матери всегда подрывали мое здоровье.

Хотелось сесть, передохнуть, чтобы снизить боль в ноге, но сидеть на тропинке я боялась из-за возможности насобирать клещей, ползающих в траве, а сам поселок был закрытого типа с большим каменным забором, за который пропускали по пропускам. Единственным местом, что не было спрятано за забором, была маленькая церквушка, стоявшая впритык к поселку, но имевшая выход за него. Видимо, в такие заведения пускали не только элиту, жившую рядом.

Честно говоря, я совсем не понимала, что такое церковь, можно ли возле нее посидеть на лавочке и как вести себя с теми, кого я даже не знала, как назвать? Святой отец? Батюшка? А может, еще как-то?

Я стояла перед церковью, смотрела на ее бело-голубые стены. Дверь была приоткрыта и маняще звала внутрь. Чуть заглянув из далека в приоткрытую дверь, я увидела возле порога большую коробку, в которой по-видимому были юбки для тех прихожанок, что пришли в штанах. Я как-то видела такое на экскурсии в Киево-Печерской лавре. Но сама я не одевала и не заходила внутрь никогда, поэтому, как там внутри, совсем не знала.

И почему именно сейчас мне захотелось это узнать?

Я не верила в Бога, даже заявляла всегда, что если он и существует, то является самым жестоким существом в мире, раз позволяет, детям так страдать. Взрослые, понятно, могут страдать за свои грешки, а дети за что? Да, можно долго рассуждать, что дети сами выбирают, у кого родиться, чтобы искупить свои грехи из прошлой жизни, но по мне так это бред! Какие грехи мы можем искупить, родившись у жестоких родителей и став такими же из-за генетики и воспитания?

И вот я полная атеизма желала войти в церковь и очиститься от той невыносимой грязи, что несла в себе все эти годы. Это была не моя грязь, но сколько я не пыталась отмыться, жизнь снова и снова бросала меня в это болото. Быть может, в этой обители я найду то, что поможет мне найти ответ и решение? Может быть, пришло время спасти заплутавшую душу?

Но я меньше всего думала о спасении своей заплутавшей души. Я думала о черной душе той женщины, которая породила во мне эту грязь. Той женщины, которую я так ненавидела. Той женщины, которая меня родила. И именно сейчас я готова была избавиться от всепоглощающей ненависти, чтобы вдохнуть запах неизведанной свободы. Чтобы вдохнуть запах жизни. Настоящей жизни. Я поняла, что злость и ненависть убивают только меня и никак не наказывают мою мать. Эти чувства меня разрушают, делают больной, но самое ужасное, такой же жестокой, как та, которую я за жестокость ненавижу.

Но готова ли я была пройти муки принятия и прощения? Ведь прощать после стольких лет обиды мучительно больно. Ведь я всю жизнь жаждала возмездия и бесполезной справед-

ливости, и отрицала любую возможность принятия действительности – я не смогу изменить детство, я не смогу изменить или выбрать другую мать. Я должна была научиться жить с тем, что имею. И научиться не в отрицании, а в принятии. Не создавая себе новых родителей, а приняв истинных, пусть и не идеальных.

Но я предпочла уйти из реального мира и создать свой, где у меня будет любимый отец и пусть не такая любимая, но заботящаяся обо мне мать. У меня не будет там моих братьев, которые тоже причиняли лишь боль, а будет лишь сестра, да и то другая. Я верила в этот придуманный мир так сильно, что он материализовался в действительность, благо на встречу с хорошими людьми мне всегда везло, и я сумела найти тех, кто стал мне семьей.

Но сейчас я готова была переступить свои обиды и вернуться в прошлое, чтобы по-настоящему простить и отпустить. Я не хотела, чтобы оно и дальше всплывало и выбивало почву из-под моих ног. Я просто хотела жить, понимая, что когда-то прошла через то ужасное, чего больше нет и никогда не будет. Это было. Просто было.

Я собралась с духом и поднялась по ступенькам церкви, намереваясь войти внутрь. На пороге, как я и подумала, оказалась коробка с юбками, и я взяла одну, надев поверх джинс. Взяв из той же коробки платок, я, сняв бейсболку, повязала его на голову и прошла дальше.

Это не была церковь в том виде, что я себе представляла. Не было зала с лавками, как в американских фильмах. Здесь прихожане должны были отстаивать на своих двоих, что мне не совсем понравилось. Но чуть осмотревшись, я все-таки увидела лавочку сбоку и поспешила сесть туда, спасая от боли свое колено.

Сидеть было тревожно, ведь в церкви я никого не увидела, правил я не знала и, может, вообще что-то нарушила. Мое пограничное сознание уже вырисовывало картины того, как ко мне подойдет священник и станет что-то говорить, а я вообще не понимаю, что я там делаю и как быть. Может быть, в церкви просто так не сидят, не зря же тут даже лавок нет. Тут нужно лишь молиться, ставить свечи и совершать обряды. А я пришла и расселась!

Мне захотелось встать и бежать, но я не решалась и на это. Какая-то невиданная сила приклеила меня к лавке и не отпускала. Тогда я попыталась сосредоточить свое внимание на росписях на стенах и потолке, чтобы хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей. На какое-то небольшое время мне это удалось, но тут случилось самое страшное – откуда-то вышел тот самый священник, которого я больше всего боялась. Теперь бежать было поздно.

Глава 2. Моя исповедь

Не вся моя уверенность успела улечься с появлением священника, поэтому я собрала последние ее частицы и приготовилась к сложному для меня разговору. Но сначала попробовала нарисовать психологический портрет того, кто ко мне приближался.

Невысокий рост и черная ряса не могли сказать мне ничего, а вот длинная борода почему-то кричала о том, что человек прячется за ней от своей истинной жизни. И, правда, вы никогда не задумывались, почему священники носят бороды? Ведь борода является признаком закрытости, так же, как очки на глазах или моя бейсболка. Так что же скрывают священнослужители от прихожан? Свои печали или радости?

Мне еще больше стало неуютно в этой святой для многих обители, и, вроде, никто не мешал, встать и уйти, но я продолжала сидеть. И вот уже священник подошел ко мне и по моему «Здравствуйте!» сразу понял, что я не из мира сего. Оказывается, в церквях здороваться не принято, там при встрече со священником говорят: «Благословите». Но откуда ж мне атеисту было такое знать?

– Что привело Вас сюда? – услышала я низкий тембр.

– Я... Я не знаю, можно ли мне здесь находиться, – ответила я.

– Это дом Божий, его двери открыты всем.

Меня передернуло от ожидаемого пафоса, как я считала, но я все же поинтересовалась, могу ли получить совет и как обращаться к этому человеку? Он представился Отцом Даниилом и сказал, что для того там и находится, чтобы помогать людям советом, если оно того требует.

И я, как на духу, стала рассказывать ему все свое детство, путаясь в словах от волнения и нахлынувших эмоций, но совсем не путаясь в событиях, которые до сих пор помнила, как будто это произошло только что. Я думала Отец Даниил будет говорить мне избитые фразы, типа, «Бог прощал и нам велел», «На все воля Божья», «Бог не посылает испытаний, с которыми мы бы не справились». Но я ошибалась. Этот священник не был так прост, как показалось мне в самом начале. Он внимательно слушал мои истории, а потом, как истинный мудрец, показывал мне обратную сторону происходящего.

«Неужели так возможно?», – думала я, вглядываясь в глаза Отца Даниила, слушая его изречения. Мне казалось, что моя история столь ужасна, что каждый, услышав ее, должен поддержать мою истину – мать во всем виновата. И пока я рассказывала это простым людям, они с ужасом восклицали «Какой кошмар!». А тут я не видела ни испуга в глазах слушателя, ни осуждения, вообще никаких эмоций. Он просто слушал и говорил. Говорил о том, что никак не поддавалось сознанию – как может быть невиновной та, которая априори виновата?

Все эти слова мне напоминали психологию, будь она не ладна! Я столько раз пыталась найти сочувствия у психологов, но они тоже все как один твердили:

– Твоя мать тебя любила настолько, насколько способна была. Она дала тебе столько, сколько смогла. Больше у нее самой не было. А за свою нынешнюю жизнь ответственна только ты.

Ну, как же так? Как она не виновата, что издевалась надо мной, ведь у меня остались неизлечимые травмы? У меня теперь психические расстройства, с которыми мне нужно учиться жить, а это нелегко. А ведь, если бы она меня любила, любила по-настоящему, то я была бы здоровой!

– На все воля Божья. Пути Господни неисповедимы, – услышала я до ужаса знакомые фразы, с которыми снова была не согласна.

– Неужели Бог хочет, чтобы мы страдали? Ладно, взрослые, за грехи расплачиваются? А дети за что?

– Бог любит нас, и он не творил мир таким, каким он есть сейчас, – с болью и страданием. Таким мир сделали сами люди, отпавшие от Бога, сделавшиеся рабами своих грехов. Именно люди – корень зла мирского. А дети являются частью родителей, поэтому расплачиваются за их грехи. Если родители живут за Законом Божиим, то и дети их страдать не будут.

– Тогда почему я не могу обвинить мать в ее грехах, из-за которых я страдала?

– Бог велел нам прощать.

– А если я не могу?

– Нужно молиться, чтобы Бог наставил на путь истинный, чтобы научил прощению.

Ох, как же все просто у этих священнослужителей! Всем лишь бы прощать! А тут хочется возмездия.

Мы еще недолго пообщались с Отцом Даниилом, после чего я попросилась и вышла из церкви. В голове снова была неразбериха. А что, если, действительно, простить? Что толку от этой испепеляющей ненависти? От нее страдаю только я, а мать о ней даже не знает. Но как простить я до сих пор не понимала. Мне не помогли в свое время психологи, и церковь тоже не помогла. Я не готова была ни молиться, ни вообще поверить в Бога со всей этой сказкой о грехах родителей. Ведь если Бог сотворил весь этот мир и нас в нем, то он же сотворил и тот внутренний человеческий сосуд, в котором могут жить грехи и негативные эмоции их порождающие. И если он учит нас прощать, то почему сам не прощает? Да-да, вы можете сказать, что, придя в церковь и попросив прощение, каждый его обретет. Но я-то мать должна простить без ее просьбы, а сама обязательно должна покаяться и измениться, начав жить по Законам Божиим. Наверное, Отец Даниил сказал бы мне, что судить может только Бог. Но я бы и тут возразила. Почему он выступает в роли судьи? Только потому, что он Создатель? Но мы отреклись от него, желая безбожничать, и он это позволил, но продолжает иметь над нами власть?

В моей голове стало еще больше вопросов, чем до посещения церкви. И все это богохульство вперемешку с детскими обидами подступало к горлу. Я отчетливо чувствовала этот ком, который бы и рада проглотить, да снова не знала как? Теперь уже хотелось не простить, а пойти и высказать в лицо матери все, что я о ней думаю. И мне плевать, что она при смерти и нуждается в сочувствии. А может, наоборот, она рада, что уходит из жизни, которую так и не смогла полюбить? Какого черта тогда все мои терзания?

И снова ответа не было.

Глава 3. Мама

Быстрым шагом я направлялась к остановке, намереваясь ехать в больницу, чтобы успеть задать матери вопросы, которые мучили меня всю жизнь. Сделать это необходимо было, переступив через свой детский страх. Детский, потому что я так и не выросла из этих обид, реакций истинно детских. И потому что я до сих пор боялась сказать о том, что у меня творилось на душе. Боялась привычной материнской агрессии в ответ на серьезные вопросы, боялась, будто я до сих пор та маленькая девочка, которой могло прилететь. Но я выросла и уже могла постоять за себя, как словом, так и рукой, как минимум, остановив удар матери.

Маршрутка до города и метро показались мне маленьким мгновением, которое хотелось растянуть, чтобы как можно дольше не встречаться со своим страхом. У меня до сих пор не было уверенности, что я смогу встретиться с матерью и тем более что смогу задать волнующие меня вопросы. Помнится, когда я работала с психологом, и он попросил меня написать матери письмо, я не справилась. Просто не смогла сказать это даже на бумаге, сначала разозлившись, а потом разревевшись. А ведь это письмо она никогда бы не прочла! Оно нужно было лишь для терапии, после чего просто бы уничтожилось. Но как же сильны в нас детские эмоции, которые мы отказываемся принимать, пряча их за каменной стеной безразличия.

И вот я уже стояла перед большим белым зданием, которого боялась не меньше матери. Не сложилось у меня как-то с больницами и это все тоже тянулось из детства. Помню, как в районе шести лет я, качаясь на качели в детском садике, что-то балаболила и в этот момент спрыгнула, – язык-то и откусила! Прямо насквозь, он держался лишь по краям. И так как воспитатели ничего не заметили, я проходила так до самого вечера, пока меня не пришла забирать мама, удивившаяся, почему ее болтушка молчит. Я так и не смогла понять, почему операцию мне делали в зубной поликлинике? Но я до сих пор помню тот кабинет и кресло, в котором я орала во все горло. С тех пор люди в белых халатах в меня вселяли ужас.

И я снова мысленно повторяла себе, что уже выросла, а потому могу зайти в больницу и совладать со своими приступами панической атаки.

– Все в моей голове. Никакой опасности не существует. Я в любой момент могу уйти, – твердила я, и шаги становились увереннее.

Вот уже обшарпанные стены встречали меня своей нищетой. Стеклопакетные двери. Приемный покой. Медсестра. Палата.

Возле палаты я остановилась, понимая, что вот сейчас может быть мой самый смелый в жизни шаг, который я либо сделаю, либо так и останусь за порогом жизни, не давая себе возможности вздохнуть полной грудью, снова погрузившись в прошлое. Я либо сделаю то, что так долго вынашивала в своих мыслях, либо буду всю оставшуюся жизнь жалеть о несделанном. Либо...

Да ну это все! Моя рука потянулась к дверной ручке, но дверь заскрипела и открылась сама, – оттуда вышла медсестра с каким-то металлическим подносом. Что в нем было, я не разглядела, да мне и не нужно было. Пытаться отвлечься было поздно, я уже стояла у открытой двери, и ноги сами занесли меня туда.

В палате было две кровати, но занята была только одна, и на ней лежала моя мать. Вид у нее был печальный, и мне даже стало ее немного жаль. Было ли ей больно? Больно не физически, а душевно. Ведь, несмотря на то, что у нее была большая семья (семеро детей) рядом почти никого не оказалось. Да, можно рассуждать, что один сидел в тюрьме, второй болел, третий ничего не знал, четвертый и пятый были заняты на работе, и оставались мы с сестрой, которым не очень хотелось ни видеть мать, ни тратить свое время на больницу. Думаю, у сестры тоже были свои обиды, с которыми она не могла справиться, ведь ее жизнь так же, как и всех нас, была растоптана материнской нелюбовью.

Я прошла в палату и села на стул неподалеку от кровати. Пододвигать ближе я его не стала, расстояние давало мне чувство защищенности от предстоящего боя. Да, именно бой я ожидала, понимая, что даже в предсмертный час мать не изменится и не станет мягче.

– Привет, – тихо произнесла я, привлекая ее внимание.

– Привет, – так же тихо ответила она.

– Как ты?

– Плохо. Устала уже лежать, не пойму, почему они не могут поставить какой-нибудь укол, чтобы я померла быстрее?

В желании помереть побыстрее была вся она! Последние годы только об этом и твердила, но продолжала жить и отравлять жизнь нашу. Пыталась, правда, пару раз с собой покончить, но оба раза неудачно. А потом рассказывала об этом нам. Я очень злилась после таких рассказов. Негодовала, зачем она пытается вызвать у меня жалость, ведь сама никогда меня не жалела. Я хотела, чтобы она просто умерла и не беспокоила меня!

– Ты же знаешь, это запрещено! – ответила я на ее глупый вопрос.

– Бред какой-то! – уже злясь, продолжила она. – Мне все равно жить осталось... Надо было с крыши прыгнуть!

– Так что не прыгнула? – Я была серьезна в этом вопросе, как никогда, ведь ни сочувствия, ни любви у меня эта женщина не вызывала. Более того, я думала, раз она так хочет умереть, то пусть умирает.

– Боялась окна кровью забрызгать. – Она имела ввиду, что, прыгнув с крыши, упала бы под окно нашей квартиры, которая находилась на первом этаже, и, мол, кровь от ее тела брызнет аж дотуда.

Спешу заметить, что, несмотря на всю абсурдность сказанного, наш разговор был абсолютно серьезным.

– Так прыгала бы за домом, там земля, крови не будет.

– Так крыши все позакрывали!

– Наелась бы таблеток и не парилась!

– Я ела, не получилось.

– Так ты не те ела!

– От давления, других не было.

Я закрыла и потерла лицо руками, глубоко вздохнув, показывая, как устала от этой ситуации.

– А ты как? – переменив тему разговора, спросила мама. В ее голосе был неподдельный интерес к моей жизни, вот только радости за нее никогда не следовало.

– Я хорошо! Еще одну книгу написала.

– Я читала первую. Куча ошибок! Позор на мою седую голову!

Разве я могла подумать, что в последние дни жизни мама скажет хоть что-то иначе? Люди не меняются и тем более возрастные люди, их мозг ригиден.

Внутри меня вспыхнула искорка обиды, но я тут же ее потушила, напомнив, что выше этого. Я довольна своими книгами, ими довольны читатели, а ошибки могут быть у любого. И это не позор, а лишь повод для работы. Более того, у меня по русскому языку в школе была пятерка, а ошибки в книгах только потому, что моему мозгу не поддается клавиатура. Да, ученые выяснили, что письмо от руки и печать – это разные вещи, так же, как чтение бумажной и электронной книги. Наш мозг по-разному это воспринимает. И если ты пишешь от руки на отлично, то печатать можешь на двойку. Вот так и у меня. Я набираю текст, а буквы меня не слушаются, то ставясь задом наперед, то заменяя одна другую. И как это объяснить человеку, который всегда, даже с пятерками в дневнике, воспринимал меня двоечницей?

– Ты бы лучше работать пошла! – продолжила мать свое нападение.

– Я работаю! Я книги пишу!

- Дармоедка ты! Мужу на шею села и сидишь! Позор!
- Что позорного, когда муж зарабатывает и содержит свою семью?
- Позор!
- Это у вас в Советском Союзе позор был, а в наше время, это нормально!
- Позор на мою седую голову!

С ней невозможно было разговаривать! Она не воспринимала нового времени, не воспринимала творческих профессий. Только тяжелый труд считался достойным. У нас почти вся семья прошла через тракторный завод от деда до младшего брата, одна я – мимо. И это был для матери позор.

Но почему она так жестко к этому относилась? Ведь и при Советах были люди творческих профессий. Даже мой отец был музыкантом, и ведь она с ним встречалась, значит, не позорно было. Или причина в нем и была? Между ними пробежала черная кошка, и мать невзлюбила творческих людей? А тут дочь, вся в отца, позор!

Это был еще один вопрос, который сидел в моей голове и ждал ответа. Не рвался наружу, нет, просто тихо затаился и ждал, в страхе быть обнаруженным.

– Ты хоть раз можешь сказать, что-то хорошее? Или я для тебя лишь позор? – Моя обида все же прорвалась наружу. – Хоть раз бы порадовалась за меня.

Она молчала. Думаю, в этот момент осознание ее все же настигло.

Я мельком взглядывалась в ее глаза и видела там тотальное чувство вины, которым она порастала последние годы. Несмотря на ее ригидность и упертость, она не могла не видеть, как сложилась жизнь у ее детей. И как любая мать, она должна была связывать это и со своим воспитанием, которого по сути не было.

Люди Советского Союза мало уделяли внимания детям, в их задачу входило родить и отдать на воспитание государству.

Роди, государство воспитает!

Именно так в те времена гласили лозунги. И именно так жили люди, работая с утра до ночи на заводах, пока их чада находились в яслях, детских садах, школах. Кому везло, к воспитанию прилагались бабушки и дедушки, если таковые не были заняты своей работой.

Тяжело было, понимаю. Но ведь это не отнимало у людей чувств, которые присущи каждому человеку. Это не обязывало унижать и оскорблять, даже если ты вымотан после работы. Это не исключало элементарной заботы, которая в крови у каждой матери.

Иначе женщины бы приравнивались к инкубаторам, вынашиваемым детей для государства. Такое ощущение, что моя мать и была таким инкубатором, родив семерых ненужных ей отпрысков. Родив не в семье, не в любви, не ради своего счастья. Родив, чтобы были.

Глава 4. Беременность и роды

Она молчала, а я погружалась в путанные размышления, на которые накладывались слова Отца Даниила о необходимости прощения. И ведь я почти уже готова была простить, только сначала хотела получить ответ на свой вопрос, который до сих пор боялась задать. Я хотела знать, почему она меня так не любила, выделяя среди всех своих детей. Почему именно меня? Да, черт возьми, почему она вообще меня не любила и так со мной поступала? Почему?

И вот я уже собралась силами и выдохнула:

– За что ты меня так не любила? За что, мама?

Она не ожидала этого вопроса. Во-первых, я никогда подобного не спрашивала, а во-вторых, она не считала, что как-то особенно ко мне (и вообще к нам) относилась. В ее понимании мы были обычной семьей без каких-либо особенностей. А то, что творилось за закрытыми дверями, так все так жили!

Но ведь не все! Далеко не все! Я общалась с подружками, была вхожа в их семьи и видела, что там происходило. Да, отшлепать ремнем могли почти каждого, да наказывать за плохие оценки или позднее возвращение домой, но не унижать как личность, не оставлять в опасности и не пренебрегать заботой.

Мама молчала, как всегда игнорируя меня. Если бы она не находилась в больнице и была здорова, то этот разговор состоялся бы на кухне, где она проводила большую часть времени. Она бы сидела за столом, а я стояла рядом и задавала свои бессмысленные для нее вопросы. А она бы щелкала семечки и делала вид, что меня с этими вопросами не существует. И сколько бы я не повторяла, она бы молчала и не реагировала.

В такие моменты я остро ощущала себя пустым местом. Но не в смысле самооценки, а в прямом смысле, что меня нет, не существует. Меня не слышат, не видят и уж точно не понимают.

– Ты мне не ответишь? – В моем голосе уже отражались нотки злости. Хотелось разбить эту стеклянную стену, от которой отражался мой голос и возвращался ко мне.

Но мама продолжала молчать, и ее лицо не выдавало никакой эмоции. Тогда я решила пойти другим путем и вспомнить конкретные истории, о которых мы никогда не говорили, но они висели над нами:

– Ты часто рассказывала своим подружкам, как на седьмом месяце беременности захотела меня скинуть, потому что надоело ходить с животом. Тебе было все равно, что я могла умереть?

– Не умерла ведь! – наконец-то оживилась моя до того немая собеседница.

– А если бы умерла? Или у тебя было уже пятеро, и я была лишней?

– Не мели ерунды! Я просто устала и хотела родить тебя раньше. – Тут она переменялась в лице и сквозь улыбку продолжила рассказывать историю, которую я много раз слышала:

– Я днем тащила мешок картошки, а вечером начались схватки. Ты родилась недоношенной с недоформированным носом, и мы тебя все детство спать клали сидя, чтобы ты не задохнулась на спине. А когда ты не умела еще сидеть, то стоя, подпирая подушками.

Раньше, когда я это слышала и видела ее улыбку, меня раздражало то, что она так легкомысленно ко всему относится. Сейчас я смотрела на нее и понимала, что улыбка была лишь защитной реакцией. Она не могла признаться ни себе, ни мне, что совершила ошибку, которая повлекла проблемы с моим здоровьем, а могла бы и вовсе закончиться трагично.

В след за этой историей как по прописанному сценарию следовала вторая и тоже через усмешку:

– Как-то к нам пришла медсестра с проверкой, глянь, а ты без дыхания лежишь. Она тебя за задние ножки подняла, потрясла и ты заорала. Она на меня «Как вы не видите, что ребенок не дышит?». А я что, не орет и ладно!

У меня было ощущение, что со мной разговаривала сумасшедшая. Я задала один вопрос, а она отвечает совсем на другой, просто рассказывая свои истории, которые у нормального человека должны вызывать ужас, а у нее вызывали радость и смех.

И я снова чувствовала себя ненужной, как тогда в далеком детстве, когда так нуждалась в материнской любви и заботе, которых никогда не было. Хотя, я, наверное, обманываю себя, говоря о заботе, ведь мама кормила меня, одевала, делала какие-то элементарные вещи. Но настоящей заботы, той, когда за тебя переживают, тебя оберегают от бед, не было. Или было настолько мало, что я даже не чувствовала.

– Если я тебе не нужна была, то зачем ты меня рожала? – Обида подходила к моему горлу и остро чувствовалась. – Сделала бы аборт.

Мама снова переменилась в лице, вернувшись к агрессии:

– Яйца курицу не учат!

– Да кто тебя учит! Зачем ты рожала меня, не пойму!

– Потому что хотела! Ты маленькая хорошенькая была, а потом...

«Да-да», – подумала я. – «А потом стала невыносимой уродиной, которая не затыкается ни на минуту».

На самом деле мне не понятна была история моего зачатия и вынашивания. Было ли это запланировано или просто по залету? Хотела ли она меня оставить или просто в то время аборт не делали? Жалела ли она о том, что я родилась или и в правду радовалась мне хотя бы маленькой? Я очень хотела все это спросить, но наш разговор с самого начала не клеился.

И все-таки я решила:

– Я была незапланированным ребенком?

Она снова усмехнулась, а значит, появилась надежда услышать ответ:

– Твой отец был женат, как мы могли планировать? И раз уж так случилось, я решила тебя оставить.

– А он обо мне знал?

– Конечно! И его жена знала, потому они и развелись, и он пропал.

– Но почему он не остался с тобой?

– А зачем он мне? От мужиков одни проблемы!

О, да! Эту ложную истину мне вбивали на протяжении всей жизни. Мужчины козлы, от них одни проблемы, без них лучше! И вот это «лучше» я наблюдала в нашей семье, окруженная пятью братьями и периодически приходящим отцом одного из них. И скажу честно, лучше бы я жила без них!

Но это касалось только тех мужчин, которые находились в одном вибрационном поле с матерью. Знаете, есть такая теория (и физики ее подтверждают), что наши эмоции вибрируют с определенной частотой. Низкие частоты – это негативные эмоции, высокие – позитивные. И люди притягиваются в одинаковых вибрационных полях, позитивные к позитивным, негативные к негативным. Поэтому меня не удивляло, что для такой женщины не нашлось хорошего мужчины, ее вибрационное поле было на таких низких частотах, что просто кошмар.

Мне же в жизни повезло больше, я встречала хороших людей и мужчин в том числе, поэтому теория матери в моих глазах терпела неудачу.

Я еще раз глубоко выдохнула и продолжила свой расспрос, пока получалось добиться ответов:

– А папа какой был?

– Алкаш твой папа и все! Не хочу о нем разговаривать!

– Почему?

– Не хочу и все! У тети Наташи спроси, ты же любишь с ней общаться. – В ее голосе прозвучала обида. Так всегда было, когда она говорила о тете Наташе – бывшей жене отца, матери моей старшей сестры, с которой мы поддерживали тесную связь. Конечно же, и с тетей Наташей я близко общалась, и мама всегда ревновала, обвиняя меня, что той я постоянно улыбаюсь, а ей никогда. Но странно было бы ждать от меня улыбки, если она всегда на меня наезжала, чего не делала тетя Наташа. Я вообще в той семье чувствовала себя своей и главное в безопасности. А вот дома...

Но что касалось отца, то про него и тетя Наташа не особо распространялась, тая давнюю обиду. У нее дома даже не осталось ни одной фотографии отца, но мне удалось найти одну порванную и склеенную, сохраненную бабушкой – мамой тети Наташи.

– Тетя Наташа про него не хочет рассказывать, – констатировала я.

– Вот и я не хочу!

– Но про других отцов ты рассказываешь, я много раз слышала.

Это и, правда, было. Она много раз рассказывала детям про их отцов, а они у каждого почти были свои. И только мой оставался под запретом. Я знала лишь одно, что он был пьяницей, любил гулять по женщинам и возможно у него много незаконнорожденных детей, и что он был музыкантом. Все это мне рассказала тетя Наташа, а от матери я и того не слышала. Видимо, чем-то сильно он ее обидел, раз она так агрессивно реагировала на вопросы о нем. А еще мне казалось, что и к нему она меня ревнует. Ну, не к нему самому, а к тому, как я им интересуюсь, и совсем не интересуюсь ей. Правда, странно интересоваться тем, кто живет возле тебя, и ты его и без того знаешь.

Ответа на мой вопрос снова не было, мама нервничала, и я решила сменить тему с отца на мое детство, которое меня волновало не меньше.

Детство – самый важный период в становлении личности человека. Период, в котором закладываются будущие установки, неврозы и даже расстройства. Хотя, что-то дается нам генетически, а что-то закладывается уже в утробе, но в первые семь лет жизни важно то, как это все сформируется. Проснется, усилится и закрепится, останется легкой акцентуацией или останется спать на всю жизнь?

В моем случае сыграл первый вариант – мои расстройства формировались с момента зачатия и продолжили свое развитие в детские, а потом и юношеские годы, усиливаясь и закрепляясь. Моя среда обитания прямо прогибалась под меня, не оставляя ни единого шанса на нормальное существование. Я развивалась в нездоровой семейной обстановке, накапливая негативную симптоматику. И кто-то бы мог сказать, что вместе с этим я закаляла свой характер, и это так. Но лучше бы я росла обычным ребенком без стального характера, чем с ним, но окруженная постоянной физической и душевной болью, от которой порой не хотелось жить, а порой казалось, что я не выживу. Ни один ребенок не должен проходить через тот ад, что прошла я. И никому не желаю той закалки и стальных яиц впоследствии, которые женщине и вовсе ни к чему. Но вернуться в прошлое и что-то исправить невозможно, да и нужно ли? Я такая, какая я есть, и другой жизни уже не представляю. Поэтому остается принять все произошедшее и идти дальше, как бы больно порой не было.

Глава 5. Брошенность (раннее детство)

Мама снова молчала, а я уже готовила для нее следующий вопрос. Мне хотелось разобрать все свое детство по кирпичику, чтобы не осталось этой стены, закрывающей жизнь. И я начала:

– В каком возрасте ты отдала меня в детский сад?

– В полтора, это были ясли, – с легкостью ответила мать. – Мне нужно было работать, вас кормить.

Вот это «вас кормить» я слушала всю жизнь. Это было оправданием для всего, и сейчас оно преподносилось, как единственно возможная правда. Вот только правда была у каждого своя. Если маме нужно было родить неподъемное количество детей, бросить их на государство и бежать зарабатывать на «вас кормить», то у нас, в частности меня, были другие потребности. Я нуждалась в материнской заботе, в ее тепле, и остро реагировала на отсутствие таковых.

Да, я не помню того периода, но я могу сложить о нем представление из того, что имею сейчас. Я до сих пор пребываю в жуткой депрессии от того, что меня недолюбили.

Ребенок до трех лет нуждается в постоянном присутствии матери, которая не только кормит его, но и является его частью, когда прижимает его к себе, качает на ручках. Ранняя сепарация для многих оказывается болезненной, а если ты уродился со слабой психикой, то это будет триггером к какому-нибудь расстройству. Так и стало у меня. Пока мать трудилась над «вас накормить», я погружалась в чувство брошенности, которое со временем исказилось так, что я перестала ощущать действительность. И когда рядом находились близкие мне люди, я все равно чувствовала себя брошенной.

Ясли запустили этот механизм, который продолжали усиливать другие случаи.

– А помнишь, как ты оставила меня в каком-то санатории? – всколыхнула я еще одно воспоминание брошенности.

– Почему это каком-то! Мне дали бесплатную путевку в хороший санаторий!

– Там было ужасно! Я до сих пор помню, холодный туалет и огромную крысу в нем. Пустые коридоры, небольшое количество детей и я, вечно ревушая и просящаяся домой. Сколько мне было тогда лет?

– Ой, я разве помню?

– Мне кажется лет пять?

– Может быть.

– И ты снова оставила меня одну... Теперь уже надолго.

– Что ты врешь! Я же забрала тебя почти сразу.

– Через неделю?

– Ехать было далеко.

– Мне до сих пор снятся сны, что я там. Можешь себе представить?

И я погрузилась в воспоминания сновидений.

Я гуляла по лесу возле санатория. По радио на деревьях стали передавать, что приближаются волки, и всем необходимо зайти на территорию. И вот я уже бегу через кусты от стаи волков, прячусь в папоротнике.

Я видела этот сон в году несколько раз и так на протяжении всей жизни. Чем был этот сон? Страхом, тревогой и одиночеством. Пока все укрылись на территории санатория, я осталась одна и пыталась бежать от своего страха. Именно так я и чувствовала себя тогда. Именно так я и чувствую себя по сей день.

– И ведь это не все, что я помню, – продолжила наступать я. – Когда мы шли через лес к санаторию, в день, когда ты меня отвозила, мы проходили мимо свиной фермы. Там

в заграждении лежали огромные свиньи, и ты мне, впечатлительному и боязливому ребенку, зачем-то начала рассказывать, что они могут съесть человека.

– Так ведь могут!

– Да, и об этом мне обязательно нужно было рассказать. А еще тащить меня поближе посмотреть.

– Я не пойму, что ты от меня хочешь? Я кормила тебя, одевала, а тебе все не нравится!

– Но я же сейчас не про это!

– Ты вообще непонятно про что! Все так жили! Все оставляли своих детей и шли на работу. Это вы сейчас дармоеды и живете за счет других.

Она пыталась уйти от темы, потому что она ее задела. Это было понятно потому, как она занервничала, а потом закрылась от критики в свой адрес. Потому что чувствовала свою вину, но не хотела в этом признаваться. Мне же хотелось увидеть ее раскаяние, на которое я, видимо, зря рассчитывала.

– Ты и в садик ходить не хотела, так что теперь? – все-таки вернувшись в русло нашей беседы, продолжила мама. – Мы тебя приводили утром, а ты днем уже дома была. Сбегала! Лазила через забор постоянно, все платья порвала!

Да, я помню, как не любила находиться в детском садике, где среди толпы ощущала себя изгоем. Но не из-за привычного для других в таких ощущениях буллинга². Я сама могла кого угодно забуллить! Я ощущала себя другой, не такой как все дети. Ощущала, что меня не понимают. И поэтому не могла долго среди них находиться. Благо детский сад располагался за моим домом, и я быстро нашла из него пути, лежащие над или под забором.

– Ты вообще была странным ребенком, который нигде не мог находиться. Но мне же надо было работать.

Чтобы «вас накормить», она это не сказала, но точно подразумевала.

В этот момент стало обидно, как никогда. Неужели она не понимала, что кроме базовых потребностей в виде кормежки, есть еще такие же базовые, как безопасность. И эту безопасность ребенок ощущает в тандеме с матерью. А у меня этого не было. Меня просто кормили, чтобы я не сдохла, а как я там живу и что чувствую, было совершенно не важно. В ее глазах я должна была стать роботом, и ведь я ставала, постепенно запрещая себе любые эмоции от позитивных, которые были не совсем уместны в нашей семье, до негативных, которые просто игнорировались или запрещались.

Я росла и понимала, что мои потребности не важны. Мои желания не важны. Мои эмоции мешают. Такой вот неглект³, напрочь разрушающий всю пирамиду Маслоу⁴.

Но детский садик мне запомнился не столько побегами, сколько демонстративным поведением, которое уже тогда кричало о моих проблемах. Но никто, никто не обращал на это внимание. Не было тогда ни нормальных психологов при детских садах, ни курсов для родителей по воспитанию ребенка, ни умных книжек в свободном доступе, в которых бы рассказывалось об особенных детях и помощи им. Были лишь отсутствующие воспитатели и нянечки, которым и дела не было, почему ребенок так странно себя ведет. Им хотелось лишь одного, чтобы ты не выделялся из массы и для этого в ход шли разные наказания от стояния в углу до унижительных шлепков по заднице. Вот она – наша педагогика в советское время!

Никому неважно было, что я ем землю во время прогулки. Важно было, чтобы я находилась на территории своего участка и никуда не сбегала.

² Буллинг (псих.) – травля, агрессивное преследование одного человека другими.

³ Неглект (псих.) – пренебрежение, игнорирование потребностей другого человека.

⁴ Пирамида Маслоу (псих.) – схематическое изображение всех базовых человеческих потребностей: – физиологические потребности; – потребность в безопасности и защите; – потребность к принадлежности к социальной группе, поддержка; – потребность в уважении и признании; – потребность в самовыражении.

Неважно было, что я ем бумагу во время того, как остальные дети мило играют. Важно было, что я не лезла со своей болтовней к воспитателю или не обижала других детей.

Неважно было, что я не могла спать во время сон-часа. Важно было, чтобы я не мешала спать другим.

Неважно было, что у меня был энурез, если я все-таки засыпала. Важно было, чтобы моя мать принесла пеленку, которая стелилась под простынь.

И тем более неважно было, что я была агрессивной и издевалась над некоторыми детьми. Важно было лишь вовремя это заметить и пресечь.

А ведь я не просто так себя вела, я кричала о том, что мне очень плохо и нужна помощь.

Я ела землю и бумагу, чтобы привлечь к себе внимание, ведь разговорами это не получалось, и меня прогоняли.

Я не могла спать, потому что меня мучили кошмары.

Я писалась во сне, потому что была тревожным и травмированным ребенком.

Я издевалась над другими, чтобы сбросить негатив, который копился во мне, когда издевались надо мной. И это было не только игнорирование моих потребностей в детском саду. Я и дома подвергалась неглекту. Но еще я отыгрывала домашние модели поведения, когда меня унижали и били. Ведь ребенок ничего не берет из головы, все, что он делает, он где-то когда-то видел. Вот и я транслировала раз за разом то, что происходило у меня дома.

Но все, на что был способен психолог в детском саду, это поставить мне СДВГ⁵, даже не объяснив, что с этим делать. Именно так мама и заявила:

– Ну, поставили тебе какое-то СДВГ, а я откуда знаю, что это! Они должны были с тобой что-то делать.

– Конечно они, мама! Ты-то тут причем? Как будто я не твой ребенок.

– А может, тебя в роддоме подменили? – снова попыталась откеститься от ответственности она.

– Я бы рада была, если так, но мы с тобой слишком похожи, – зачем-то на полном серьезе на ее несерьезное высказывание ответила я.

– Я устала от тебя! Пришла снова меня обвинять!

– Я тебя не обвиняю, а пытаюсь понять, почему ты так поступала?

– Как поступала? Я с утра до ночи вкалывала, чтобы вас прокормить. Да, не было денег на вещи и игрушки, да и зачем это все, когда нам отдавали другие? Жрать было нечего, а тряпье ни к чему!

И снова она уходила с темы воспитания и любви на тему «вас накормить». Как будто бы ребенку, кроме еды ничего не нужно было. Но ведь это далеко не так. И мне до сих пор не понять, почему в те далекие советские времена родители не умели любить? Неужели работа их так выматывала, что они лишались базовых инстинктов по отношению к своему ребенку? Но сейчас люди тоже работают и почему-то уделяют своим детям время, и не упрекают в том, что им нужно «вас накормить». Что изменилось? Женщины научились быть женщинами? Матери научились быть матерями?

В этом всем мне предстояло только разобраться, и я надеялась сделать это с помощью матери.

⁵ СДВГ (псих.) – синдром дефицита внимания и гиперактивности, характеризующийся трудностью концентрации внимания, гиперактивностью и плохо управляемой импульсивностью.

Глава 6. Брошенность (лагеря)

– Ты видела, что я не могу быть в коллективе? – продолжила свой допрос я.
– Откуда бы я это видела?
– Я всегда сбегала из садика, просила туда меня не отводить или забирать пораньше. Я не могла находиться в лагерях, куда ты меня отправляла каждое лето.

– Ты нигде не могла подолгу оставаться, и что с того?

– Тогда зачем ты меня туда отправляла?

– Куда?

– В лагерь, к примеру. Помнишь, как ты отвозила меня в «Чайку» и сама мне показала, как добраться до остановки и уехать домой, если не понравится. И ведь я твоим советом воспользовалась в первые же дни. Вот только ехать куда не знала и чуть не заблудилась.

– Тогда воспитатели такую панику подняли! – усмехнулась мама, даже не понимая, о чем я снова ей пытаюсь рассказать. – А ты вечером явилась!

– Я напугалась, и никто этого даже не заметил. А потом ты отправила меня обратно. Зачем?

– Так путевка же была! Там тебя хоть кормили, а дома жрать нечего было.

И снова это «вас накормить», которое уже сидело поперек горла! Мама! Ты понимала вообще, что мне нужна была ты, а не еда. Нужны были твои защита и внимание. Но нет, она не понимала, с усмешкой рассказывая, как привезла меня обратно и выслушивала от воспитателей нотации. Мол, что тут такого, что ребенок сбежал, не потерялся же.

Это был первый мой лагерь, где я так и не дожидая до конца смены, все-таки вымолив, чтобы меня оттуда забрали.

Во второй лагерь я отправилась в более взрослом возрасте, правда, находился он далеко за городом, и сбежать оттуда было сложнее. Но я пыталась. А еще я украла у своей соседки по комнате магнитофон, о котором всегда мечтала, но понимала, что мне такое никогда не купят. Но мама не отчитала меня и за это. Казалось бы, ей все равно, что я делала, лишь бы за это не пришлось отвечать ей. И она не ответила, потому что сбежать мне не удалось, и магнитофон я вернула.

А потом были долгие дни и постоянные звонки домой со слезным «Забери меня отсюда». И она забрала. Я снова не дожидая до конца смены.

Но вопрос был в другом, почему меня вообще отвозили в эти лагеря, если я не могла там находиться?

– Ты же сама хотела! – возмутилась мама. – Сначала просилась, а потом ныла, чтобы тебя забрали.

– Я просилась?

– Ты, конечно! Я доставала тебе путевку на заводе, а ты потом не хотела там быть.

Вот этого я не могла вспомнить, почему сначала хотела в лагерь и не срабатывало то, что я там уже была и мне не понравилось.

Сейчас-то я знаю причину этой двойственности. Корни ее уходят в мое психическое расстройство, где я нуждаюсь в обществе, а когда в него попадаю чувствую себя чужой и хочу побыстрее спрятаться ото всех.

Я болезненно воспринимаю, когда человек в чем-то со мной не согласен. В такой момент мне кажется, что мир вокруг рушится и тот другой тому причина. Ведь он не видит истины, которая не просто слова, а что-то большее. То, что может нарушить устой его и моей жизни. И мне хочется доказать свою точку зрения, спасти нас от надвигающейся из-за неправильности мышления опасности. Но это не удается, и я начинаю злиться. Ведь агрессия это одна из базовых защит во время опасности. А еще я чувствую, что снова не понята. У меня появляется

стойкое ощущение, что я пустое место, раз меня не слышат. И это тоже начинает выводить меня из себя. Своей злостью я пытаюсь докричаться: «Эй, смотри, я здесь! Я существую». Но сама в это уже мало верю, поэтому переключаюсь на самоуничтожающее поведение. Оно может быть разным, от нервного поедания пищи до нанесения себе физических повреждений. Боль дает возможность почувствовать, что я жива, а значит, существую.

Я болезненно воспринимаю, когда в толпе с какой-нибудь просьбой обращаются не ко мне, а к другому. В такой момент мне тоже кажется, что меня не существует.

Я болезненно воспринимаю давление на себя, будь то какие-то правила, которые мне сейчас выполнять не хочется или требование перестать быть собой (много говорить, вести себя так, как я веду и т.д.). В такой момент во мне просыпается бунтарь, и хочется совершить манипулятивное действие. Такое, чтобы всем стало страшно за меня, и они поняли, как сильно меня обидели.

И все это ради одного, чтобы почувствовать себя нужной.

Глава 7. Отчим и насмешки

Пока мама молчала, ворочаясь в своей кровати, я собиралась с духом, чтобы перейти к очень серьезной и болезненной теме. Но к такому невозможно подготовиться, а потому я просто начала новые вопросы:

– Хорошо, допустим, в лагерь ты насильно меня не сдавала, и даже забирала меня оттуда раньше. Но как ты сдала меня в руки Шамана?

Шаман, это было прозвище моего ни то отчима, ни то просто маминого ухажера, который по совместительству являлся отцом моего старшего брата. Имени я его до сих пор не знаю, так как в нашей семье все назывались кличками.

– Я? Что ты несешь?! – разозлилась мама. Она отказывалась признавать то, что все эти годы знала, что со мной делал этот выродец, приходящий к нам в гости, а иногда остававшийся и на ночь.

– Ты была дома, когда он закрывался со мной в комнате.

– Не правда!

– Как думаешь, зачем взрослый дядя закрывался с твоей 4-5-6 летней дочкой?

– Не было такого, что ты выдумываешь!

Она напрочь отрицала очевидное. А я хорошо помнила, как дядя раздевал меня, в особенности снимал трусики и клал к себе в постель. Да, я напрочь забыла, что он там со мной делал, но это и понятно. Детская психика просто вытеснила эти ужасные вещи из сознания, чтобы как-то это пережить.

Мама злилась. Злилась именно потому, что знала, я говорю правду. Ту правду, которую она столько лет пыталась забыть, чтобы не испытывать такого невыносимого чувства, как вина. И когда чувство прорывалось, вперед вырывалась агрессия, как защитная реакция. Только бы не признавать правду.

– Ты пытаешься уйти от ответственности так же, как тогда в детстве, когда я тебе об этом рассказала.

– Ничего ты мне не рассказывала!

– Рассказывала! И что ты сделала? Ты посмеялась надо мной, а потом еще всем рассказала. Я помню, как Босс надо мной смеялся. Вы все надо мной смеялись.

И я помнила до сих пор! Босс, тот самый сын Шамана, долго издевался надо мной, как будто это не его отец со мной развлекался, а я этого хотела. Именно так им воспринялась информация, которой я поделилась с мамой, желая получить защиту.

– И ты не пресекла этого ублюдка! Он как ходил к нам, так и продолжил!

– Я с ним говорила, – уже виновато ответила мать на мои нападки. – Пригрозила ему, что если он еще раз к тебе сунется, то...

– Но мне ты ничего не сказала. А я ведь нуждалась в твоей защите.

– А что я могла сказать, ты была еще ребенком?

– Объяснить, что такое происходило и сказать, что я не была в этом виноватой.

– Я не знала, как тебе об этом рассказать. Ты была слишком маленькой и не поняла бы.

– А ты бы попробовала!

– Ну, не попробовала, что теперь?

– А зачем ты рассказала об этом другим?

– Чтобы все следили, чтобы такое не повторилось. И ведь не повторялось!

Я об этом никогда не задумывалась, слишком болезненно воспринимала эту историю, но, действительно, приставания отчима тогда закончились. Вот только моя психика уже была надломлена, и об этом никто не подумал. Никто не отвел меня к детскому психологу, потому что таких раньше особо и не было. Никто не поговорил со мной, не сказал, что я под защитой,

потому что предпочитали реагировать действием и молчанием. Никто не остановил дальнейших насмешек, потому что я не была ребенком в авторитете, в отличие от нападавших. Никто не защитил меня от других извращенцев, о которых я теперь боялась рассказывать, помня о непонимании и насмешках.

– А помнишь, как ты снимала с меня трусы во время купания, а я закатывала истерику, не давая это сделать?

– Ой, ты орала на весь дом, – так же, как тогда, усмехнулась мама.

– И тебе и в голову не могло прийти, что это у меня от отчима, действие которого отложилось в голове.

– Я-то откуда могла знать! – мама переменялась в лице, вернувшись в свою привычную агрессию. Она вообще была мастером по смене настроений, то смеялась, закрываясь от проблемы, то приходила в ярость, отбиваясь от ответственности.

– Ты могла хотя бы не издеваться так надо мной!

– Да кто над тобой издевался? Ты и так мылась постоянно в трусах!

И, правда, после моих громких истерик мыть меня стали в трусах, меняя их при вытирании, когда я была в полотенце. Но был еще один унижительный момент, который отложился в моей памяти:

– Тебе мало было того, что я не позволяла себя раздеть, так ты еще соседку позвала посмотреть на меня голую!

– Что ты несешь?

– А когда ты показывала мое родимое пятно.

– Так это я только родинку твою показывала.

– Но я не хотела ни раздеваться, ни тем более, чтобы на меня смотрели чужие люди.

Я смотрела на нее и не видела понимания. Такое ощущение, что она напрочь утратила чувства, и произошло это очень давно, еще до моего рождения. Иначе невозможно было объяснить ее поведение и отношение к содеянному. Создавалось впечатление, что она не видела своих поступков и не понимала тех последствий, что они принесли. И ведь не понимала.

А мне было до боли обидно, потому что я снова не была услышана. Снова эти пустые отговорки, мол, да ничего такого с тобой не было, ты все выдумываешь. Вот только сексуальное насилие над ребенком 4-5-6 лет, это ужасное преступление. И это преступление не только на совести дяденьки, который утолял свою закомплексованную похоть, но и на совести матери, которая не хотела это замечать.

Чаще всего жертвами педофилов становятся дети из неблагополучных семей, те за кого некому заступиться. Те, кому не хватает внимания и любви. И педофилы это быстро считают. Они знают, как привлечь свою жертву, знают, что никто им не помешает, и знают, что правда на их стороне. Можно долго рассуждать о том, как же это все погано, но, чтобы не утопать в чувствах злости и ненависти, можно заглянуть дальше – в душу самого педофила. Ведь они тоже становятся такими не из простой потребности секса. Чаще это изнасилованные в детстве люди, которые, вырастая, повторяют действия своего насильника. Еще ими часто оказываются мужчины, а насильники в основном мужчины, у которых слабая потенция и полная неуверенность в себе. Заниматься сексом с женщинами они боятся, ведь те над ними могут посмеяться, а тут ребенок, который либо ничего не понимает, либо сам напуган еще больше.

Вот только не каждый мужчина, позарившийся на ребенка, может называться педофилом. Есть такие социопаты⁶, которым все равно с кем: со взрослым или ребенком. Кто подвернулся, тому и досталось! И социопат не будет заниматься развратными действиями, он про-

⁶ Социопат (псих.) – это антисоциальный человек, главная его черта – невозможность образования социальных связей. Социопат ведет себя зачастую агрессивно, во многом безответственно. Ему недоступны такие виды человеческого взаимодействия, как дружба, искренняя привязанность, любовь, социопат не понимает, что такое совесть или вина.

сто изнасилует ребенка и с легкостью пойдет дальше. Педофилы же чаще всего свою жертву не насилуют, а развращают. Они могут раздевать, прикасаться к половым органам, показывать свои половые органы, мастурбировать при ребенке, но не заниматься с ним сексом.

Именно таким и был Шаман, слабаком развратником. Быть может, это спасло меня от более серьезной травмы, но судить об этом сложно. Ведь для ребенка и те малые действия, что вытворяет с ним взрослый дядя – большая травма. Травма, с которой он пройдет через года и вступит во взрослые отношения. И как она там себя проявит, не известно. Но проявит точно, нанеся сокрушительный удар в самую голову.

И все это поднимало во мне волну негодования. Мол, как ты могла, мама, такое допустить! И я хотела, чтобы она ответила, а не молчала или злилась, будто бы я сама во всем виновата. И ведь ребенок всегда считает виноватым себя. Он живет с этим чувством вины и порочности, будто бы не тот дядя был мерзким, а я. Я мерзкий и грязный, что со мной можно поступать именно так. И раз мама это позволяет, значит, я заслужил.

И если мне было понятно, чем руководствовался педофил, и я даже на него не злилась, то чем руководствовалась мать, я не понимала. Почему она позволила этому быть? Почему сошлась с таким человеком? Почему?

Снова и снова эти «почему» разрывали голову, а ответа не было! Я могла бы спросить у мамы, но наперед знала, что это бесполезно. Тема ее личных отношений всегда была табуирована, поэтому оставалось лишь догадываться, как ее угораздило найти такого мужчину? Чем он ее привлек? Своими упоительными речами о ее красоте? Речами о любви? Но ведь она и в любовь-то никогда не верила, грубо отрицая ее существование. Она усмехалась над теми, кто говорил о любви.

Что тогда было причиной? Я понимала, что это еще один шанс спросить ее об этом. Быть может, сейчас, на пороге смерти она прольет свет на эту тайну:

- Как ты могла жить с Шаманом, он же был полный придурок?
- Я с ним и не жила, он приходил в гости. У него же была другая семья.
- Но ты же родила от него ребенка.

О, это любимая мамина тема, как она в поисках лучшей крови для нас, подбирала себе мужчин разных национальностей, чтобы мы, так сказать, рождались с высоким иммунитетом. Именно это я и слышала в очередной раз, хотя вопрос мой был о другом:

– Я хотела разбавить кровь!

– Татаринომ! – подытожила я, понимая, что разговор снова уходит не туда. Мне сложно было вытащить из нее нужную информацию, но я была благодарна за то, что она рассказала, как встала на мою защиту и прогнала Шамана. Пусть, это было меньшим из того, в чем я нуждалась в тот момент, но она сделала хотя бы это.

Глава 8. Имена

Раз уж я вспомнила Шамана с его странной кличкой, то не мешало бы остановиться на кличках нашей семьи. Они были у всех, или почти у всех. Мне сейчас было сложно вспомнить клички двух старших братьев, но остальных трех и сестры я помнила хорошо. Странно было то, что у меня, в отличие от остальных, этих кличек было несколько. Все они менялись с возрастом, а последняя осталась и по сей день – Ася.

Но проблема была не в том, как именно меня и других называли, а в том, зачем это нужно было? Почему она не пользовалась нашими именами, которые сама нам когда-то и дала? Это я и готова была выяснить дальше.

– Ты никогда не называла меня по имени, почему?

– Я называла тебя Асей.

– Но я не Ася!

– Ася! Ася!

– Мам, у меня собственное имя есть!

– А раньше я называла тебя Асусенной, – она снова ушла от ответа.

Мне порой казалось, что я общалась с сумасшедшей, которая не понимает сути разговора и говорит о том, что первое всплывает в ее голове, не важно, относится ли это к теме или нет. Но мама не была сумасшедшей, она просто таким образом пыталась избежать болезненных для нее вопросов.

– Хорошо, но почему Ася? Зачем ты тогда назвала меня по-другому?

– Я вообще хотела назвать тебя Любой, но мама моя настояла на другом.

И снова странно. Если она хотела Любу, то почему я в итоге стала Асей?

С сестрой, к примеру, было все понятно. Ее звали Няней, потому что она была старшая и на ней весела забота о нас, младших и ненужных матери детях. Пока та зарабатывала на «вас накормить», Няня нянчила нас.

– А вот Мея, почему Мея?

– Андрея – Мея, – улыбнувшись, ответила мама. Ее забавляли наши клички, и она совершенно не понимала того, что ими вытворяла.

Не понимала, что имя для ребенка и человека в целом, это самое приятное слово, с которым он идет рука об руку по жизни. И если ребенка любили, ласково называли, он будет любить свое имя. А если к его имени относились с пренебрежением, грубо называли или, как меня, не называли по имени, то и слово это станет, как проклятье. Именно так у меня и случилось. Я возненавидела свое имя настолько, что при первой возможности избавилась от него, переписав в документах. Но до тех пор, пока мне приходилось им называться, я испытывала дикий дискомфорт, произнося его вслух. Мне казалось, что проще умереть, чем сказать, как меня зовут.

– А Пашка почему Босс?

Этот брат, как и его кличка, меня слишком раздражали. Я не могла понять, почему она его так выделяла, что даже кличку дала главенствующую? И ведь он был таким же социопатом, как его отец, и оба они проходили свой путь на зонах, по мне так обычные пешки в руках психопатов, но никак не Шаман и Босс.

Но дать ответ мне на этот вопрос мама точно не могла. Она и сама не знала, что в этих двух асоциальных типах такого, что она присвоила им такие клички. Может быть, они оба умело брали верх над ней, а может, потому что у нее преступность шла под руку с властью? Сложно рассуждать, когда не знаешь, что в голове у этой женщины, которая всегда оставалась для меня загадкой.

– Ну, а Женька-то почему Тима?

– Утенок Тим⁷.

Да уж, с фантазией у моей мамы было не плохо! Утенок Тим персонаж из моего детства, и он, видимо, был таким же маленьким непоседой, как наш Тима. Правда, я помню обратное, Тима был единственным, кто не отходил от мамы до подросткового возраста и во всем ее слушался.

Наверное, мне было грех жаловаться, ведь я в отличие от всех моих братьев и сестры называлась человеческим именем. Но я нисколько не радовалась этому. Я чувствовала, что моим именем пренебрегают, что оно какое-то не правильное и постыдное, раз его не произносит самый родной для меня человек – мама. И мне жутко было с этим жить.

Я стеснялась представляться новым знакомым, болезненно реагировала, когда меня называли по имени в школе, и мечтала от него избавиться. Я жила этой идеей много лет, но долго не могла определиться, какое же имя хочу. Какое будет мне приятным.

В какой-то момент казалось, что любое, только не мое. И я при знакомстве стала представляться разными именами. Я была и Олей, и Ирой, и Дианой, и даже просто Мальвиной, пока не стала Наташей.

⁷ Утенок Тим – советский мультфильм (1970г.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.